

Профессия — из тысяч одна

«ПЕРВЫЙ ПОМОЩНИК НАШ...»

В закулисной полумраке «князя» и «графы», стараясь быть тише воды, ниже травы, ждут своего выхода. Строгая женщина с гладкой прической отдает короткие приказы:

— Приготовиться к грозе... Дождь, еще дождь! Хор, на выход!..

А на сцене бушуют страсти — сегодня идет «Риголетто». Действие движется своим чередом, и только вдруг за кулисами — тихий всплеск испуганного голоса: «Что я надедала?!». Это Джильда за сценной пропелла не ту реплику: вместо «Отец мой, помогите» спела «Отец мой, простите».

Будь она на сцене, а не за кулисами, — такого не случилось бы. На сцене — суфлер, он не даст ошибиться.

Собственно, ради него — суфлера — и затеян наш сегодняшний выход в театр. Что я и доведу до сведения окружающих меня «графов», «князей» и так далее. Судя по тому, с какой готовностью они начинают рассказывать, этот человек им всем очень близок. И женщина — помреж перестает быть строгой...

Могла ли я подумать, что столько любви и уважения питают люди к человеку, столь «незаметному» для зрителя — бессменному суфлеру нашего Академического театра оперы и балета имени Луначарского Валерия Владимировича Макарову.

— Мы все учились у него, — говорит помреж Ольга Дмитриевна Галинецкая.

Из богатых княжеских одежд проглядывает вдруг лицо знакомого по консерватории Станислава Боровкова:

— Он надежда и первый помощник наш... Точно за четверть, на вдохе подает твою фразу — все ровно, в ритме... Особенно оценишь его в ансамбле. Первому покажет вступление дирижера, а если у тебя — четвертая партия?.. Только Валерий Владимирович может вовремя выручить.

— Как же уловить его в многозвучии голосов?

— Так на то и особый дар суфлера! Все поют, а он говорит, и дикция у него четкая, голос «полетный», и видно его со всех точек сцены. Когда не видишь дирижера — опять же выручит суфлер: он точно повторяет движения его руки.

Приходилось Станиславу Боровкову бывать в театрах, где нет суфлеров, — там много накладок, нечистые партии, певцы вступают не точно. Но больше всего Станиславу помнится его первый выход на

сцену. Шагнул к темному заставшему залу, окунулся в пустоту — будто никогда и не учил ни партии, ни слов. И только когда увидел спокойное лицо суфлера, услышал начало своей фразы — все встало на свои места.

И такое случается не только с молодыми певцами. Про суфлеров ходит уже немало театральных легенд. Одна из них — про графа Альмавиву, который собрался расправиться со своим сценическим врагом и вдруг с ужасом обнаружил, что оставил шпагу за кулисами. «Я тебя застрелю!» — услышал он фразу, на ходу переделанную суфлером. И неискушенный зритель, конечно, не заметил оплошности... Недаром есть в театре поговорка: «Суфлер — как валидол для сердечника: можно и не принимать, но только знать, что он есть, и уже легче».

Сам Валерий Владимирович о срывах и курьезах рассказывать не любит. Для того он и работает, чтобы их не было. И не бывает срывов — даже тогда, когда, казалось бы, уже неминуемо...

Однажды по какой-то причине актер, которому был выдан клавир, не вернул его к началу спектакля. Спектакль не отложили, не перенесли. Как всегда, лежал перед суфлером клавир; как всегда, Макаров давал реплики и вступление. И только самому Макарову, и еще дирижеру Людмилу было известно, что клавир... из другой оперы. Весь спектакль суфлер вел по памяти.

...Валерий Владимирович, наконец, и сам вышел из своей крошечной будочки с клавирами.

— Вы только не подумайте, что певцы плохо знают свои роли. Они очень добросовестно учат партии — сначала в классах, потом на репетициях с оркестром. Просто опера сложнее, у нее особые требования...

Если в драме артист, зная смысл фразы, может переставить слова, сделать паузу, даже по-своему передать реплику, импровизировать — то оперный актер связан с музыкой, с оркестром. Даже лишней слог, неправильное ударение, неточное вступление приведут к разладу с музыкой, с другими певцами.

Задача суфлера — вовремя подать певцу фразу, не дав сбиться и задуматься «что дальше?», позволяя артисту сохранить свободу движения и пения.

Очень трудно было отработать новую «Арабеллу» — сложная музыка, трудные партии. Суфлеру полностью пришлось заучивать текст и ноты. А еще, как ни удивительно, трудным для оперных певцов оказался детский спектакль «Кошкин дом» — для них не привычен переход на прозу, и тут помощь суфлера была совершенно необходима.

Самая напряженная работа у Валерия Владимировича, когда в спектакле участвует гастролер или иностранный певец. Исполнители не понимают друг друга, не слышат привычных реплик. Тут на помощь и приходит суфлер: каждому подает фразу на родном языке, покажет вступление.

Не зря в клавире Макарова текст написан на нескольких языках. Кроме русского и итальянского, он вписывает партии на румынском, югославском, болгарском, украинском языках. А очень часто у певцов и свои переводы иностранных опер. Такая уж это профессия, что надо многое уметь и иметь «за душой»: безупречный слух и знание музыкальной грамоты, техника дирижирования и суфлирования, языков, психологии, наконец. По выражению лица, по характеру певца Валерий Владимирович знает, чувствует, когда надо поспешить ему на помощь.

...В 1932 году пришел в бабелную студию театра из самодеятельной цирковой труппы высокий красивый юноша. У него не было музыкального образования, но была страстная любовь к искусству. Много ролей в мимансе исполнил начинающий актер: от онегинского секунданта до Ивана Грозного. С 1937 года он — помощник режиссера. И даже инфаркт не заставил его уйти из театра... С 1952 года он стал суфлером.

Пройдите по театру с Макаровым — и вы не увидите ни одного человека, который обратился бы к нему с равнодушным лицом. Каждый артист оперы чувствует себя его учеником; за каждого из них суфлер не раз переживал, улавливал малейшую фальшь, спешил прийти на выручку. Одному из народных артистов СССР, певцу Большого театра Валерий Владимирович заметил, что тот «перетягивает» на $\frac{1}{4}$ в партии Елецкого. Несколько раз не давалось певцу переключение со знакомого исполнения, а когда, наконец, получилось, он улыбнулся суфлеру посреди спектакля...

Мало кто знает, что есть еще у Валерия Владимировича заветная тетрадка. Для него — это спектакли, в которых он участвовал, для театра — своеобразная история оперы. Она открывается номером «1» — оперой «Царская невеста» 27 марта 1952 года. 25 мая 1974 года стоит спектакль «Риголетто» за номером «3990».

3990 спектаклей просуфлировал Макаров!.. «Арабелла» — семьдесят третье название в этом перечне опер. И с первой «своей» оперы суфлер отмечает, кто впервые исполнил ту или иную партию. Очень удивился Борис Штоколов, когда Макаров назвал ему его дебют — сам он уже и не помнит. По своей тетрадке Валерий Владимирович может сказать, какие наиболее любимы и популярны оперы. За двадцать два года по 200 и более раз пели «Онегина» и «Фауста», «Князя Игоря» — 130 раз...

Суфлер бережно хранит фотографии гостей — гастролеров. В его коллекции — Козловский, Алексей Иванов, Ухов, Пирогов, Лисицкин, Ирина Архипова, молдаванка Мария Внешеу, югослав Маринкович... Многие из прославленных ныне певцов начинали в нашем оперном театре. И вместе со всеми суфлер испытывает гордость от того, что наш театр воспитал этих талантливых людей. В этом есть и его, суфлера, заслуга.

К. ЛЕСНИК.
Снимок А. ЛЫСЯКОВА.